

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВ

Филолог, историк литературы, краевед

Родился 12 июня 1963 года в г. Урюпинске Волгоградской области. Кандидат филологических наук, заведующий Центром традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. В центре исследовательских интересов — литературная критика религиозных мыслителей, творчество славянофилов, консервативная журналистика. Подготовил научные издания малоизвестных сочинений Н. С. Лескова, Н. П. Гилярова-Платонова, Ю. Н. Говорухи-Отрока, Р. Ивнева, эпистолярных комплексов этих авторов, а также И. С. Аксакова, К. П. Победоносцева, Б. И. Ордынского, П. П. Перцова, И. Ф. Романова-Рцы, В. Л. Кигна-Дедлова и др. Составитель библиографического указателя «Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков» (2002); автор более 100 статей по литературоведению и около 600 заметок, брошюр и книг по краеведению Карельского перешейка. Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

«УЩЕМЛЁННЫЙ В СРЕДОСТЕНИИ СЛАВЯНОФИЛ»

РЦЫ (И. Ф. РОМАНОВ) В ЕГО НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЬМАХ

К В. В. РОЗАНОВУ

Философствующий публицист и эссеист рубежа XIX–XX веков Рцы (настоящее имя — Иван Фёдорович Романов; 1858–1913) — фигура довольно заметная даже в свою, изобилующую писательскими талантами, эпоху — его творчество с начала 1880-х годов во многом и предвещало идейно-тематические и стилевые открытия Серебряного века. Тем не менее он оказался писателем «для немногих» и до сих пор известен прежде всего как литератор из окружения Василия Розанова¹, до такой степени ему близкий не только по складу мышления, но и стилистически, что его в редакциях газет и журналов нередко называли «маленьким Розановым»². Сам же Розанов уготовил место своему приятелю в измышленной им категории «литературных изгнанников» — талантливых писателей, которые сказали

И. Ф. Романов-Ртцы. Из *Розановской энциклопедии*

не что чрезвычайно важное и насущное, но которых, однако же, Россия проглядела, роковым образом не заметила у себя.

В мае 2013 года исполнилось 100 лет со дня кончины Ртцы, а в сентябре — 155 лет со дня его рождения. И хотя наследие юбиляра до сих пор не собрано, по-настоящему не введено в научный оборот и известно разве что очень любознательному читателю, уже первое приближение к излюбленным идеям и художественным приёмам Ртцы убеждает, что его возвращение из «литературного изгнания» заполнит существенную лауну в отечественной культуре.

Сошлёмся на авторитет опять же В. Розанова, который сегодня прочно утвердился в нашем сознании как писатель первого ряда, как один из великих. В своей исповедальной книге «Уединённое» он, совсем не лукавя и не преувеличивая, писал: «Трёх людей я встретил умнее или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Ртцы и Фл<оренско>го. <...> Замечательное в их *уме*, или, вернее, — в их *душе*, в их *метафизической (до рождения) опытности*, — было то, что они не знали ошибок; их суждения можно было принимать „вслепую“, не проверяя, не раздумывая. Их слова, мысли, суждения, самые коротенькие, освещали часто целую мировую область. Все были почти славянофилы, но в сущности — не славянофилы, а *одиночки*, „я“...»³.

Говоря о «почти-славянофильстве» Ртцы, Розанов только подчёркивал, что тот не был человеком партии и приверженцем окостенелой догмы и что его отличала незаурядная оригинальность суждений. Сам Ртцы определял своё мировоззрение так: «Славянофил, но с *оговорками*»⁴. И в программной статье «Итоги» (1894) подробно объяснял, в чём суть этих его «оговорок»-несогласий с классическим учением Хомякова, братьев Киреевских и Аксаковых.

В жизни Ртцы отчётливо выделяются три периода, которые оказались связанными с тремя главными городами русской истории: происходя из Черниговской губернии, он до 23 лет жил в *Москве*, где в 1877 году закончил Катковский лицей и в 1881-м — университет (кандидатом юриспруденции); далее, до 34 лет, — в *Киеве*, где чуть больше года (с ноября 1881-го по январь 1883 года) служил по судебной части, а затем решил жить вольным художником — на гонорары за свои статьи и юморески; последние же два

десятка лет начиная с августа 1892 года прожил в *Петербурге* (правда, на восемь лет в 1896–1904 годах уезжал с семьёй в Гатчину; отсюда его известный псевдоним *Гатчинский отшельник*).

В *московский* свой период Рцы увлёкся учением А. С. Хомякова и на всю жизнь стал горячим его приверженцем (особенно в сфере сравнительного богословия, обличавшего изъяны католицизма). Тогда же, в самом начале 1880-х годов, Рцы, подобно А. П. Чехову, под разными псевдонимами публиковал юморески в журнале «Стрекоза»⁵.

Однако своим дебютом он считал статьи, напечатанные уже в *киевский* период, в 1883–1887 годах, в московской консервативной газете «Современные известия». Рцы называл своим «настоящим» вхождением в литературу политическую статью «По поводу болгарских дел. Антракт» (1886), впервые подписанную криптонимом «Рцы» — старославянским названием начальной буквы его фамилии (об этом псевдониме писатель говорил «...наиболее к нам как-то приросший...»⁶). Издатель-редактор «Современных известий», видный мыслитель славянофильской ориентации Н. П. Гиляров-Платонов, для Рцы навсегда стал Учителем с большой буквы, причём «величайшим, гениальнейшим»⁷. Гиляров-Платонов же подумывал о Рцы как о ближайшем помощнике и преемнике и 23 ноября 1886 года писал ему в Киев: «Если бы Вы были здоровы, я бы Вас непременно перетащил в Москву <...> Вы прекрасно владеете пером, способны излагать очень умные вещи в очень художественной форме; Вы литературная сила, и применить её к делу ближе подходило бы к Вашему призванию»⁸. Тогда же Рцы обменялся несколькими письмами с И. С. Аксаковым, который 15 июня 1884 года слал ему лестные слова: «Хотя Вы и ученик <...> Хомякова, Константина Сергеевича <Аксакова>, Самарина и пр., но Вы самостоятельно восприняли основы их мировоззрения, и Ваши заметки блещут оригинальностью, свидетельствуют о силе и глубокой искренности Ваших убеждений...»⁹.

С середины 1880-х годов начинается сотрудничество и с другими столичными периодическими изданиями консервативно-охранительного направления, такими как: «Русское дело», «Благовест», «Русская беседа», «Гражданин», «Русский труд». В изданиях, имевших более широкий круг читателей (вроде петербургских газет «Новое

Визитная карточка И. Ф. Романова-Рцы

время» или «Свет»), Рцы, как правило, фигура *non grata*, и именно по причине слишком яркой своей индивидуальности. Как раз на это он жаловался Розанову в письме от 25 ноября 1892 года, передавая слова издателя «Нового времени» А. С. Суворина: «Не хочу я вообще *Рцы* <...> я знаю, что он слишком *твёрдо* пишет. У него какой-то *победный* тон. Так может писать Катков. Он не по чину берёт»¹⁰.

Впрочем, для русской культуры куда более важным оказалось не идейное содержание публицистического наследия Рцы, а его значение как новатора литературной формы. Пусть его жанровые поиски, незаурядное языковое мастерство, смелые стилевые эксперименты были востребованы скорее не напрямую, а через посредство творчества его друга Розанова.

Получив от умершей бабки наследство и женившись на 20-летней киевской мещанке Ольге Ивановне Луцевич, Рцы издал сборник «Листопад» (М., 1891), который своей жанровой структурой, как дружно отмечали исследователи начиная с Б. В. Шкловского¹¹, предвосхитил книги Розанова («В мире неясного и нерешённого», «Уединённое», «Опавшие листья»). Весь материал, довольно злободневный по содержанию, характеризовался незавершённой, отрывочностью; это заготовки для газетных статей, этюды, афоризмы, полемические реплики, выписки из разных изданий, снабжённые остроумным комментарием, и др. Так состоялось литературное самоопределение Рцы, о котором Розанов писал: «С трагедией в душе, он вечно шутил; он хотел рассказать анекдот среди крови и гробов, сам истекая в сердце кровью. „Рцы“ и „шутка“

И. Ф. Романов-Рцы и В. В. Розанов. 1901

неотделимы: тогда как мало было умов среди современников его, которые были бы так преданы самым высоким темам бытия, религии и истории»¹².

Все эти тенденции получили развитие в основной, *петербургский*, период творчества Рцы, в который он стал особенно бравировать своим литературным юродством, склонностью к язвительному обобщению, сдобренным довольно причудливым балагурством, и нарочито провокационному эстетству. За год до переезда в Петербург, в сентябре 1891 года, Рцы написал первое письмо Розанову, тогда ещё гимназическому учителю,

в котором спорил с его трактовкой «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского. Так начались их тесные творческие и жизненные взаимоотношения — сначала заочные, а вскоре и реальные, поскольку Розанов стал петербуржцем спустя полгода после Рцы и поначалу они без малого четыре года жили в одном доме на Петербургской стороне (ул. Павловская, ныне Мончегорская, д. 4), в соседних квартирах — № 25 (Рцы) и № 1, затем № 24 (Розанов).

Весной 1892 года, готовясь к отъезду из Киева, Рцы в своей обычной шутиливой манере писал Розанову, что он, тогда уже отец двух малолетних детей, «положил в душе перебраться за границу, то есть в финско-чухонский, немецко-ингерманландский Санкт-Петербург»¹³, чтоб продолжить прерванную чиновничью карьеру в Государственном контроле. Возглавлявший это министерство видный общественно-религиозный деятель Т. И. Филиппов проектировал новый консервативный журнал и собрал в своём ведомстве целый кружок «поздних славянофилов», к которому примкнули и Рцы с Розановым. Однако орган, призванный творчески развивать идеи московских славянофилов 1840–1850-х годов, так и не состоялся.

Первые впечатления от Северной столицы оказались самыми неутешительными. Вскоре по приезду, 12 сентября 1892 года, Рцы поделился ими с Розановым: «Мерзкий, скверный Петербург. Всё здесь противно: и погода, и квартиры, и топография, и люди! Но есть и утешение. Как загрязнился, постарел, осунулся, облупился СПб! Сомнения нет — конец СПб-скому периоду близок! Да и как сомневаться, когда само небо вступает за Матушку Русь»¹⁴. С ноября 1892 года Рцы начинает регулярно публиковаться в газете князя В. П. Мещерского «Гражданин», подписывая свои статьи псевдонимом «Вл. Заточников», в который вкладывал смысл: *заточённый в Петербурге славянофил*.

В уже упоминавшейся статье «Итоги» Рцы развивал эту свою мысль: «Созерцать из прекрасного далёка прорубленное Петром окно, наблюдать за врывающимися в него заморскими ветрами и поднимаемою ими и кружащеюся в самой горнице отечественною пылью с высот златоглавого московского Кремля — это одно, а подойти вплотную к средостению, залезть в самую серёдку, в самую глухую норку, самую интимную щёлку петровского своенравного строения — это совсем другое»¹⁵.

Об этом критическом положении своём и нескольких единомышленников («славянофилов с Петербургской стороны», как называет их Рцы) и о нравственном грузе ответственности за судьбы учения, завещанного от Хомякова — Киреевских — Аксаковых, он пишет и в статьях, и в письмах к Розанову. В 1894 году Рцы исповедовался перед последним: «...выскажу ту вечную боль, которую я, „обломок славянофильства“, как Вы, помнится, удостоили меня как-то назвать, ношу в своём сердце то чудное, несрав-

ненное самодержавие, которое проповедовали славянофилы и которого нельзя не любить, пред которым безумно было бы не преклоняться — его никогда не было, нет, увы! и следа в настоящем, и... и...

Вот тут и начинаются мучения Гамлета. *Да возможна ли сказочная Шехерезада славянофилов?*

Со всюю страстностью непоколебимого убеждения они говорили: да, да! *Наше* самодержавие, *розовое* самодержавие вполне возможно, оно идёт уже, оно близко... Хорошо им было судить из прекрасного далёка! От *творящегося* идеала их разделяло пресловутое „средостение“, но вот один из „обломков славянофильства“ попал в самое это средостение... Я даже хотел бы издать сборник своих петербургских статей под общим заглавием „Ущемлённый в средостении славянофил. Впечатления и заметки“»¹⁶.

Постепенно Рцы, однако, теплеет по отношению к Северной столице, но, как ему свойственно, с особыми оговорками. В одной из заметок, увидевших свет в газете «Русский труд», которую издавал его с Розановым общий приятель С. Ф. Шарапов, Рцы образно определял своё отношение к главным русским городам и, соответственно, к основным периодам как отечественной истории, так и собственной жизни. Приведём пространную цитату, демонстрирующую, между прочим, достоинства публицистики Рцы: «Воля Ваша, Москва и Киев — это одно и то же. В Москве я прожил школьные годы, в Киеве — молодость, и положительно утверждаю: воистину, это „один дух, одно крещение“¹⁷. Как тут, так и там каждый холм представляет страницу неписаной летописи, каждая пядь земли, название любой улицы полны глубокого смысла, вызывают не просто ряд исторических воспоминаний, а заставляют *сильнее биться сердце, нежнее чувствовать, тончённее мыслить* и любить, любить без конца эту Россию...

В Петербурге... первая линия, вторая линия... третья рота, четвёртая рота, проспект так, проспект этак, большой проспект, средний... малый...

Уясните ли Вы себе суть дела? Именно потому, что Москва не рота, именно потому, что Киев не линия, именно потому, что Россия не проспект, русский человек из Киева так просто и легко сходится с русским человеком из Москвы. <...> Всё это обуславливается сознанием, радостным ощущением, что оба они, и сколько бы их ни было, русский человек из Москвы, русский человек из Киева, русский человек из Калуги, русский человек из Полтавы или житель последней захолустной русской деревушки, — все они *дома*.

Приложимо ли это понятие „дома“ к Петербургу? <...> Нет, смело утверждаю: нет! Почему? Потому что *господствующий интерес Петербурга*, его жизненный нерв, то, что создаёт местный колорит, кладёт печать определённости на вещи, образует черты лица, — это <...> *чиновник*,

разумею чиновника в собирательном смысле, чиновника как огромный факт нашей истории и как всевластный принцип нашей жизни.

Существует не пять, но шесть частей света: Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия и Петербургский Чиновник»¹⁸.

Придя к этим выводам, Рцы призывал единомышленников, прежде всего Розанова и Шарاپова, *исследовать и понять* «чиновничий», постпетровский период русской истории, а значит, *простить* — и двигаться далее в творческом применении учения славянофилов к современности.

Да и вообще, Рцы в письмах к Розанову с удовольствием входит в роль многоопытного ментора, несколько свысока поучающего талантливому, но не окрепшему ещё в истинно православной вере писателя (неважно, что тот на два с половиной года старше). Оправдывает себя Рцы высшими интересами: недостаток у него талантливости — его немощная «рамолитичность» — не даёт ему возможности самому сказать то новое слово, в котором нуждается Россия. В 1895 году он пишет Розанову, что с начала их переписки он в нём «действительно любил *гениального ребёнка*, разумея под последним термином: *неовлажденность* (фу, ты такое слово!) материалом, пропорциональная доверчивой способности выслушать того, кто *владеет* материалом, но увы! будучи *рамолитиком*, никогда не сумеет сам высказать. Таковы отношения Каткова и Леонтьева, причём роль гениальн<ого> ребёнка вполне подходит к Каткову, а мудрого дядьки — Леонтьеву»¹⁹.

Пара знаменитых публицистов М. Н. Каткова и П. Н. Леонтьева, издававших вместе и самую влиятельную русскую газету «Московские ведомости», и журнал «Русский вестник», публиковавший наиболее художественно значимые произведения своего времени, не давала покоя Рцы и в дальнейшем. 26 мая 1901 года, он писал Розанову: «Грустно, грустно, невыразимо грустно! А могли бы мы, Брате, на серебре есть и в *своих* домишках жить — не говоря уже о литературном значении, — если бы сумели создать фирму „Катков и Леонтьев“, в видах основания *собственного* органочка...»²⁰.

Рцы без устали подвергает строгой критике новые статьи Розанова, которые тот нередко доставляет ему в неперебелённой рукописи: «Нужно же понимать, мой бестолковый ученик! <...> *Подчеркнутые* вчера вещи написаны хорошо, а *скверные* — поверьте же — неизменно ждут исправления или ещё лучше... переписки наново»²¹. И не устаёт настаивать, что это учительство даже не право, а долг его: «Сколько раз я Вас учил... Ну, не нахальство ли? Какой-то полуторавершковый Рцы *учит*, смеет поучать трёхсаженного Розанова? Не будем препираться о словах, не станем подыскивать аналогий, но факт останется фактом: ум *архи-центральный*, хотя бы и с булавочную головку, всё-таки будет играть роль столицы по отношению к уму *периферическому*, пусть эта столица держится только преданием,

пусть по внешности городишко не уступает заштатной руине, пусть блеск и власть перешли в Манчестер... Многого, многого *центрального* Вы ещё не знаете, не продумали, не прочувствовали, не переиспытывали, не сложили в „запасный капитал“ духовного опыта...»²².

Отношения Рцы и Розанова не были безоблачными. А в начале 1900-х годов они сильно омрачились — тогда Рцы обиделся, что приятель, став постоянным сотрудником «Нового времени», не содействовал публикации здесь его статей. Последовал кратковременный разрыв. 16 июля 1900 года Рцы прощался: «Просто считайте, что я умер! Был человек — нет человека! Осталось гладкое место, ну, и танцуйте канкан, играйте в лаун-теннис»²³. В 1906 году, после публикации Розановым злого памфлетного очерка о Рцы «Среди людей „чисто русского направления“», переписка оборвалась.

Но до этого было семейное общение в Павловске, где в течение восьми лет жили Романовы (в августе — сентябре 1896 года их постигло страшное горе: смерть от скарлатины троих сыновей, и они для спасения других детей переехали за город), и поддержка Розановым издательских проектов Рцы, оказавшихся, правда, малоуспешными (в 1904 году журнал «Летопись», в 1907–1913 годы «Литературная газета „Рцы“»).

В конце 1905 года в жизни Рцы разразилась катастрофа: в связи с преобразованием Министерства земледелия, где он тогда служил, ему в октябре прекратили выплату жалованья, а в декабре окончательно уволили с небольшой пенсией. Её никак не могло хватить на сколько-нибудь сносное существование семьи из 9 человек (шестеро детей, жена, тёща), для которой он был единственным кормильцем. 20 октября 1911 года Рцы «был первый раз поражён параличом левой половины тела»²⁴. В ночь с 5 на 6 января 1913 года с ним снова случился апоплексический удар, вторично парализовавший левую руку и ногу, от чего он уже не оправился, и вскоре, 16 мая, его не стало...

Публицист Д. П. Якушев в некрологе покойному товарищу так охарактеризовал его: «И. Ф. Романов не сказал большого слова, но во всём его существе было что-то „своё“, ему одному присущее, какие-то „свои“, крылатые, не выдуманнные, но шедшие от сердца, а потому и искренние мысли, основой которых было первичное, апостольское христианство»²⁵. Розанов давал своему приятелю более высокую оценку: «Он отличался необыкновенно сильным и проницательным умом, обширной начитанностью в литературе, истории и богослужении, но эти качества, которые могли бы выдвинуть его в первые ряды публицистической литературы, сопровождались слишком капризной и оригинальной формой выражения, формой письма, которая была очень хороша „на любителя“, но сыграла роковую роль в признании его вообще читающим обществом»²⁶...

Длившаяся 15 лет переписка с Розановым относится к наиболее ценной части наследия Рцы. Она готовилась к публикации в серии книг под названием «Литературные изгнанники» (вышел только один том): Розанов частично пронумеровал письма Рцы, продумывал свои примечания к ним — сохранился ряд заранее проставленных отсылочных звёздочек. Приступил к воплощению в жизнь этого проекта в 1985 году поэт и критик Ю. П. Иваск, продолжил в 2000 году литературовед и культуролог С. Р. Федакин²⁷. Однако основная часть эпистолярного комплекса ещё ждёт своих публикаторов.

Письма, избранные для настоящей публикации, представляют основные грани дарования Рцы — религиозного публициста, страстного поборника «идеи вселенской соборности», и оригинального мыслителя-парадоксалиста, тонкого литературного критика и юмориста, доходящего в своих всегда остроумных рассуждениях до озорства, которое подчас оказывалось сродни хулиганству. И вместе со всем этим, на наш взгляд, — такого уровня художника слова, каких и в богатой на таланты литературе Серебряного века было немного. Отражают они события 1892–1896 годов: первое письмо отправлено из Киева, за три месяца до отъезда в Петербург; последнее написано вскоре после переезда с Петербургской стороны в Гатчину.

Выделим проникнутое тёплым юмором пространное письмо от 15 октября 1896 года, представляющее собой религиозно-философское эссе и словно бы иллюстрирующее характеристики Розанова в «Опавших листьях»: «У Рцы в желудке — арии из „Фигаро“, а в голове — великопостная „Алилуия“. И эти две музыки сплетают его жизнь»; «...Рцы, которого *перделава*, Бог — плюнул с отвращением и отошёл. С тех пор Рцы всё бегаёт за Богом, всё томится о Боге, и говорит лучшие молитвы, какие знает мир (в себе, в душе). Увы: литературно это почти не выразилось»²⁸. В письме 1896 года писатель развивал свою задушевную мысль о том, что в основе

В. В. Розанов с женой Варварой и дочерьми Татьяной и Верой. СПб., 1896. Фото И. Ф. Романова-Рцы

смирения человека перед Богом лежат низменные стороны его жизнедеятельности: процесс пищеварения и половой инстинкт.

Все письма печатаются впервые по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде В. В. Розанова: Ф. 419. Оп. 1. № 616. Л. 84–86, 89–89 об., 112–116 об., 166–167а. Тексты подготовлены нами при участии С. Р. Федакина. Курсивом выделено подчеркнутое Рцы, а подчеркиванием — выделенное Розановым при чтении писем; полужирный шрифт обозначает двойное подчеркивание. Пунктуация была отчасти приближена к современным нормам; по мере возможности сохранена характерная для писательской манеры Рцы вариативность в начертании букв, их наклоне, обведении с нажимом и без, величине, и др., с помощью которой он эмоционально либо логически выделял отдельные слова и выражения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. название публикации, возвращавшей имя писателя современному читателю: *Федакин С.* Вокруг Розанова: Рцы // Литературная учёба. 2000. Кн. 4. С. 106–108.

² *Перцов П. П.* Литературные воспоминания, 1890–1902 гг. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 212.

³ *Розанов В. В.* Листва: Уединённое. Опавшие листья. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 56, 57. (Собр. соч.: В 30 т.; Т. 30).

⁴ Гражданин. 1894. 15 окт. (№ 284). С. 2.

⁵ См. «...На этой почве страстной, обоюдной любви к делу...»: Письма Рцы (И. Ф. Романова) к П. П. Перцову / Публ. А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 692–693 (письмо от 30 января 1905 г.).

⁶ См.: *Рцы.* Архив писателя: Указатель статей // Литературная газета «Рцы». 1912. № 15 (Нояб.). С. 4.

⁷ Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову / Публ. С. Р. Федакина // Литературная учёба. 2000. Кн. 4. С. 116.

⁸ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н. П. Гилярова-Платонова к И. Ф. Романову-Рцы) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Дмитриева // Возвращение Н. П. Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. Коломна: Изд-во КГПИ, 2007. С. 305.

⁹ Русское дело. 1886. 5 июня (№ 6). С. 13.

¹⁰ Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову. С. 162.

¹¹ См.: *Шкловский Б. В.* Литература вне «сюжета» // *Шкловский Б. В.* Гамбургский счёт. М., 1990. С. 134.

¹² *Розанов В.* Иван Фёдорович Романов («Рцы»): (Некролог) // Новое время. 1913. 22 мая (№ 13359). С. 5.

- ¹³ Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову. С. 129.
- ¹⁴ Там же. С. 151.
- ¹⁵ Гражданин. 1894. 21 окт. (№ 290). С. 2.
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 616. Л. 118 об. – 119 об.
- ¹⁷ Апостольское выражение (Еф 4: 4, 5).
- ¹⁸ *Рцы*. Обмен мнений // Русский труд. 1897. 19 янв. (№ 1). С. 18.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 616. Л. 141.
- ²⁰ Там же. Л. 232.
- ²¹ Там же. Л. 141 об.
- ²² Там же. Л. 142 об.
- ²³ Там же. Л. 206.
- ²⁴ ИРЛИ. Ф. 540. Оп. 2. № 1582. Л. 8.
- ²⁵ *Дм. Я-в <Якушев Д. П.>*. И. Ф. Романов (Рцы): (Некролог) // Россия. 1913. 18 мая (№ 2303). С. 3.
- ²⁶ *Розанов В.* Иван Фёдорович Романов («Рцы»): (Некролог). С. 5.
- ²⁷ Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову / Публ. Ю. Иваска // Новый журнал. <Нью-Йорк>, 1985. Кн. 159 (Июнь). С. 154–195; Кн. 160 (Сент.). С. 202–218; Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову / Публ. С. Р. Федякина // Литературная учёба. 2000. Кн. 4. С. 108–179.
- ²⁸ *Розанов В. В.* Листва: Уединённое. Опавшие листья. С. 168, 311.

1

<17 мая (?) 1892 г.>¹

Бешеный восторг Рцы по прочтении следующей депеши:

«Митроп<олит> Сербский Михаил² обратился к вселенскому патриарху³ с предложением образовать, по соглашению со всеми *автокефальными* церквями⁴, комиссию из православных духовных астрономов и духовных учёных, для заблаговременной выработки Пасхалии согласно Канонам и истинному астрономическому году»⁵.

Кто понимает смысл и значение сей депеши? Никто! Ибо никто не понимает смысла и значения идеи вселенской соборности! Никто не понимает, что жизнь в Церкви есть жизнь в соборе, что весь Восточный вопрос есть *собрание Россиию Церквей*, что жить собором есть та великая и таинственная цель, к которой они бессознательно стремятся со времён Владимира, что не случайно восприняла Россия христианство тотчас по разделении Церквей⁶, что вся её задача именно в том, чтоб обличить величайшую ересь — папизм, а таковая может быть обличена не логическими доводами, но *правдою жизни*, ибо папизм есть *ложь жизни*, отрицание идеи вселенской соборности, т. е. Церкви и ео ipso⁷ Бога... Раз вы сказали: «вселенская соборность» — вы тем самым произнесли смертный приго-

вор папизму, раз вы стали *действительно Собира́ться* — конец папизму, конец вековой лжи, конец лживому европейскому просвещению... Отсе- ле нечто новое, неслыханное... *Христианская наука, христианское ис- кусство, христианская жизнь!*.. Открываются новые чувства, новые точки зрения, новые понятия... Отселе мы признаем Шекспира только великим язычником, отсе- ле у нас новый вид драмы, новая трагедия, конец коей не убийство или самоубийство, но примирение в Боге... Мы видим воскресение Дездемоны и видим счастливыми Ромео и Юлию и узнаем от них чуд- ные, неведомые нам слова: «всё забыть, всё простить Бога для⁸»... Так в ис- кусстве, так в науке, так в жизни....

Постой, мечта!⁹ Разжиревшие монахи ещё не поняли, что именоваться православным не значит ещё быть им... Стой, мечта! Ещё Розановы не по- няли, что Православие есть *антитеза* папизма, что последний есть корень всего так ненавистного им европеизма... Стой, мечта! Идея вселенской со- борности затеряна в человечестве, забыта, погасла... Но, нет! Вот вижу, она теплится там, на Востоке, в убогих глухих монастырях, в маленькой, убо- гой Сербии... Велико слово твоё, добрый пастырь! Земно кланяемся тебе и с умилением лобзаем твои смиренные узы!¹⁰ О, напоминай почаще миру о спасительной идее вселенской соборности, в которой подлинная суть и истинная жизнь Церкви Христовой без порока и пятна! Аминь.

Рцы умоляет В. В. Розанова подняться и поднять с собою челове- чество до надзвёздных высот¹¹, где красуется дивное знамя с дивным девизом «вселенская соборность». К прискорбию, папизм заключил тройственный союз с Соловьёвым и Леонтьевым и не думает спешить отпустить уже на- половину загипнотизированную жертву.... Бедное человечество!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приблизительная датировка письма основана на том, что упомянутая в нём депе- ша (она воспроизведена буквально точно) была напечатана в газете «Гражданин» со ссылкой на «собственного корреспондента» 17 мая 1892 года, отправлена же из Белграда вечером 15 (27) мая (отклик на депешу см. в прим. 5). Есть основание предполагать, что данное письмо не вполне автономно, а либо является началом, либо примыкает к большому письму от 18–19 мая 1892 года схожего содержания (Рцы убеждает друга во вреде папизма и в необходимости «подойти к *вселенской соборности*», в качестве примера истинного архипастыря упоминает митрополита Михаила), опубликованному С. Р. Федякиным (см.: Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову. С. 144–149).

В подборке писем Рцы, которую Розанов подготавливал к печати, отдельный ли- сток с окончанием этого письма (л. 85 архивной единицы), начиная со слов «Рцы умоляет В. В. Розанова...», дважды пронумерован как отдельное письмо. Однако, судя по особенностям бумаги и чернил, а главное, учитывая проставленные самим

Рцы в правом верхнем углу цифры 1) и 2), это несомненно части единого текста. Так они и представлены в настоящей публикации.

² *Михаил* (в миру Милое Йованович, 1826–1898) — митрополит Белградский (1859–1881; повторно: 1889–1898), поборник культурного и политического единства Сербии и России. В письме к Розанову от 18–19 мая 1892 года Рцы вопрошал: «Зачем, дескать, нам сербский митр<ополит> Михаил, у нас и свой Синод хорош? Нет, скоты, нужен и Михаил, ибо Синод разжирел, потерял дух, а у Михаила он здравствует... <...> Невзрачный сербский митрополит! Напомни нам, как первенствующая Церковь решала дела *соборно!*!» (Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову. С. 147, 148).

³ Имеется в виду Неофит VIII (Νεόφυτος Η΄; 1832–1909), патриарх Константинопольский, занимавший престол с 27 октября 1891 года до 25 октября 1894 года.

⁴ В 1890-е годы насчитывалось девять общепризнанных автокефальных (административно независимых) православных церквей.

⁵ См. неподписанную заметку «Вопрос о реформе календаря»: «Сербский митрополит Михаил получил от константинопольского патриарха письмо с извещением о том, что, по его инициативе, Синод назначил комиссию из четырёх специалистов для изучения вопроса о реформе календаря» (Московские церковные ведомости. 1892. № 35 (30 авг.). С. 456). Проблема была вызвана, во-первых, тем, что астрономический год равен 365 суткам 5 часам 48 минутам 46 секундам, и, значит, в принципе невозможно создать идеальную систему времяисчисления; во-вторых же, тем, что переход Римско-католической церкви на григорианский календарь в 1582 году нарушал канонические правила: христианская Пасха должна совершаться после иудейской, однако, например, в 1805, 1825, 1853 и 1854 годах это празднование совершалось у католиков и протестантов в один день с Пасхой иудейской, а в 1839, 1840, 1842, 1843, 1845, 1849, 1850, 1856, 1891 и 1894 годах — даже раньше её.

⁶ Эти события разделяет треть века: причём, вопреки Рцы, введение в Киевской Руси христианства князем Владимиром Святославичем (согласно летописному свидетельству, в 988 году) *предшествовало* окончательному *разделению* христианской *Церкви* на католическую и православную, которое произошло, как известно, в 1054 году.

⁷ В силу этого (*лат.*)

⁸ *Бога для (деля)* — ради Бога (*црксл.*), ср.: богадельня.

⁹ Выражение из стихотворения Анны Буниной «Сумерки» (1819): *Бунина А.* Собрание стихотворений. СПб., 1819. Ч. III. С. 48. Но не исключено, что оно было неизвестно Рцы и слова «Постой, мечта!» — его сочинения.

¹⁰ Намёк на опалу, которой подвергся любимый сербами митрополит Михаил (Йованович) со стороны правительства Сербии с начала 1880-х годов, когда оно стало ориентироваться не на Россию, а на Австрию (в 1885–1889 годах Михаил даже находился в изгнании, проживая то в Москве, то в Киеве).

¹¹ Дадим пояснение к картинке, приложенной к письму (она воспроизведена на цветной вклейке), на которой Рцы схематически обозначил свою религиозно-философскую концепцию и отношение к современным ему консервативным мыслителям. Слева — башня-вышка, символизирующая славянофильство и устремлённая

к кресту (каким обычно увенчиваются храмы) с надписями в нижней части: «*Все-ленская соборность*» и ниже на полумесяце: «*Восточн<ый> вопрос*». На верхней площадке башни схематически изображён человек *Рцы*, склонившийся вниз и тянущий руки к человечку у подножия башни — *В. В. Розанову*. По обе стороны от *Рцы* — флаги с надписями: *Русская правда* и *Русская надежда*. У башни две опоры, подписанные именами: *Гиляров* (т. е. Н. П. Гиляров-Платонов) и *Хомяков*. На передних балках, скрепляющих для жёсткости эти опоры, имена славянофилов: *Ю. Ф. Самарин*, *К. Аксаков*, *Ив. Киреевский*, *И. С. Аксаков*; на задних — имена их непрямых продолжателей: *К. Н. Леонтьев*, <Н. Я.> *Данилевский* (эти две «балки» согнуты и направлены в разные стороны от башни) и *Достоевский*. Небольшие балки подножия башни носят имена популяризаторов и, отчасти, оппонентов славянофильского учения: <Н. Н.> *Страхов*, <М. Н.> *Катков*, <С. Ф.> *Шарапов*, *Ген<ерал>* <А. А.> *Киреев*, <В. И.> *Ламанский*, *В. Соловьёв*. От балок с именами *К. Н. Леонтьев* и *В. Соловьёва* исходят стрелки, соединяющиеся с языком гигантской змеи, названной *Рим* и символизирующей католицизм. Это и есть тот «тройственный союз», о котором пишет *Рцы*. Плоды змеи, т. е. католичества (в виде слов, веером отходящих от хвоста): *протестантизм*, *нигилизм*, *анархизм*, *социализм*. Змея попирает и пронизывает собою почву (или море), подписанное: *Человечество XIX столетия*. Характерно, что фигурка с именем *В. В. Розанов* оседлала голову змеи и тянет руки к балке по имени *К. Н. Леонтьев*. Так *Рцы* поиронизировал над почитанием Розановым Леонтьева, которого сам *Рцы* недолюбливал. Так, он писал Розанову 31 января 1892 года: «И припомнился мне отрывок, вернее, заглавие собственной (начатой и недоконченной статейки о К. Леонтьеве) „ДЕКОРАТИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ“ — ведь вот она, вся суть без остатка. В этих двух словах весь Леонтьев! Для понимающего дело это очевидно, непререкаемо так, а для непонимающего... Опять скажу: кто не понимает, пусть не понимает!» (Письма И. Ф. Романова (*Рцы*) к *В. В. Розанову*. С. 120).

2

<Март — май 1893 г.>¹

<Это письмо нашей подборки иллюстрированное и потому целиком публикуется на цветной вклейке. Его можно датировать мартом — маем 1893 года, поскольку в подборке писем *Рцы*, которую Розанов подготавливал к печати, это письмо расположено между телеграммой от 7 марта 1893 года и письмом от 11 мая того же года. Не исключено, что это письмо, пародирующее газетную рекламу, является шуточным откликом на фотокарточку, присланную Розановым (её настойчиво просил *Рцы* в целом ряде предыдущих писем). В надписи под первой картинкой («В<асилий> В<асильевич> в „мерзости запустения“») использовано библейское выражение (Дан 9: 27; Мф 24: 15).>

<Январь (?) 1894 г.>¹

О «Ф. М. Достоевский». Очерк, приложенный к *Собр<анию> сочинений* при «Ниве» Марксом².

Есть превосходные места и по мысли, и по выражению, но общее впечатление — отсутствие гармонии. Статья напоминает амальгаму³, или, если угодно, королевскую или французскую пастилу (не знаю, как зовётся) *трёх цветов*, наслоениями⁴. Повторяю: это нисколько не мешает пастиле быть отменного вкуса, но этот недостаток как-то не свойствен *Вам*. Музыки нет, а только отдельные аккорды.

Против некоторых частных принципиальных свойств хочу спорить.

стр. X. Стихи⁵.

Положительно не согласен с последним стихом, может быть, тут глубочайшая субъективная *идиосинкразия*⁶, но я нахожу, что чем больше скорбь, тем глубже человек уходит в себя, тем *дальше* отстоит от всего и, следоват<ельно>, и Бога. Не могу не считать лжецом того, кто скажет, что *не вся* вселенная — в дупле того зуба, который *сейчас невыносимо* болит! Но есть скорби бесконечно бóльшие и длительные... Наконец скажу, что нужно из сознания выкинуть половину новозаветного Откровения, чтобы признать верность этой мысли. Нужно отказаться от *Евангелия*, чтобы в глубине скорби приблизиться к Богу, *карающему* и не *хотящему* помочь скорбящим. Но где же тогда Спаситель? Тот Спаситель, Которого мы знаем, любим, Который *всегда* миловал и *никогда* не отказывал в помощи? Здесь вступает в силу известный крик отчаяния одного горевшего сердцем атеиста: «Был один человек, *достойный* быть Богом, и Он умер на кресте!»⁷.

Воля Ваша — паки и паки⁸ повторяю — стонущий Иов⁹ и благодушный Павел, повелевающий «*всегда радоваться*»¹⁰, — это абсолютная несовместимость. По крайней мере сей пункт для немощи моей веры, искушаемой постоянными скорбями, есть камень, на котором, вероятно, суждено разбиться спасению моей души, ибо всё что угодно могу вместить, кроме одного, чтобы Спаситель *не хотел* или *не мог* помирловать меня в «онь же аще день призовем Тя»¹¹.

Чем глубже скорбь, тем дальше от Бога!

Скажу сильнее: и даже понять не могу атеизма, иначе как проистекшего от множества скорбей... Впрочем, это поле бесконечное, причём я отнюдь не утверждаю, что в своём духовном опыте я уже дошёл до последнего предела и решил вопрос окончательно. Есть масса замечательных вещей «богодухновенных» на эту тему, и никогда не выпадет минута, чтобы *умиренною* душою их прочитать. —

стр. XI. «Разлезшиеся» внутренности¹². И не сильно вовсе, и не реально, а просто мерзко. —

XIII. после хулы кстати было бы употребить «осанну», так любимую Дост<оевским>¹³.

В общем же: 2+ или даже 3- (я строго ценю).

Est modus in rebus¹⁴ и non bis in idem!!!¹⁵

P. S. Как похотливость Ваша? Не она ли причиною всё же несомненного упадка?¹⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо датируется предположительно — по публикации 1-го тома Полного собрания сочинений Достоевского (см. прим. 2): на обороте титульного листа цензурное разрешение от 29 ноября 1893 года, а на 4-й странице обложки (с объявлениями) — от 5 декабря 1893 года. Следовательно, этот том со статьёй Розанова (на с. V–XXIV) увидел свет не позднее января. Розанов датировал письмо 1894 годом и собирался написать к нему предуведомительное примечание: в рукописи на верхнем поле сохранилась отсылочная звёздочка, а под строкой — длинное отточие, заканчивающееся подписью: *В. Р–в.*

² Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 12 томах было выпущено в 1894–1895 годах книгоиздателем Адольфом Фёдоровичем Марксом (1838–1904) в качестве бесплатного приложения к иллюстрированному журналу «Нива».

³ *Амальгама* — зд.: разнородная смесь; сочетание, соединение чего-либо разнородного (первоначально — сплав ртути с другими металлами).

⁴ Видимо, речь идёт о «ржевской пастиле», в которой слои яблочной пастилы переслаивались двумя-тремя более тёмными и тонкими слоями рябиновой и брусничной пастилы. Экспортировалась в европейские страны. «Французской пастилой» поначалу назывался зефир. Но не исключено, что торговцы в России могли называть ржевскую пастилу «французской» или «королевской» — из рекламных соображений.

⁵ Имеются в виду неточно процитированные Розановым заключительные строки четверостишия Ап. Н. Майкова «Не говори, что нет спасенья...» (1878):

Чем ночь темней — тем звёзды ярче.

Чем глубже скорбь — тем ближе Бог.

(Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М.: Республика, 1996. С. 280. (Собр. соч.: В 30 т.; Т. 7)).

⁶ *Идиосинкразия* (греч. *ἰδίος* — особенный и *σύνκρασις* — смешение) — болезненное отвращение или склонность к чему-либо как индивидуальная особенность организма.

⁷ Рцы отсылает к афоризму немецкого мыслителя Фридриха Ницше (Nietzsche; 1844–1900) из главы 39 его трактата «Антихристианин. Опыт критики христианства» («Der Antichrist», 1888). Ср. в переводе А. В. Михайлова: «Уже само слово „христианство“ основано на недоразумении; в сущности, был один христианин, и тот умер на кресте» (Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 56).

⁸ Снова и снова (*црксл.*) Источник выражения — возгласение на литургии: «Паки и паки миром Господу помолимся!»

⁹ Главный персонаж ветхозаветной книги Иова (в православной традиции — праведный Иов Многострадальный) испытывается свыше всевозможными бедствиями, но остаётся образцом смирения и веры.

¹⁰ Подразумевается призыв апостола Павла в его послании к филиппийцам (христианам македонского города Филиппы): «Радуйтесь всегда в Господе; и ещё говорю: радуйтесь» (Фил 4: 4). В «Апокалипсисе нашего времени» (1918) Розанов писал: «Покойный Рцы, славянофил <...> между прочим, любил особенно апостола Павла и непрерывно его читал перед смертью...» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 72. (Собр. соч.: В 30 т.; Т. 12)).

¹¹ Ветхозаветное выражение (Пс 19: 10).

¹² Розанов писал о впечатлении, выносимом из чтения «Преступления и наказания»: «...точно выходим на воздух из какой-то тесной могилы, где <...> дышали отравленным воздухом мёртвых костей и разлезающих внутренностей» (Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. С. 281).

¹³ Рцы имеет в виду следующую фразу Розанова: «Точно кто-то, взяв наши хулящие Бога языки и ничего не изменяя в них, сложил их так, так сочетал тысячи различных их звуков, что уже не хулу мы слышим в окончательном и общем созвучии, но хвалу Богу; и, ей удивляясь, её дичась, — к ней влечёмся» (Там же. С. 282). Говоря об осанне, Рцы подразумевает признания Достоевского в его последней записной тетради: «...не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня <...> чёрт» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 86). Речь идёт о романе «Братья Карамазовы» (ч. IV, кн. XI, гл. IX), где чёрт, явившийся Ивану, рассуждает: «Но для жизни мало одной „осанны“, надо, чтоб „осанна“ -то эта переходила через горнило сомнений, ну и так далее, в этом роде» (Там же. Л., 1976. Т. 15. С. 77).

¹⁴ «Есть мера в вещах» (*лат.*), т. е. всему есть мера. Выражение из «Сатир» Горация (II, 1, 106–107).

¹⁵ Буквально: «Не дважды за одно и то же» (*лат.*), т. е. не должно быть двух взысканий за одну провинность. Источник — формула римского права.

¹⁶ В письмах 1893–1894 годов Рцы неоднократно выговаривал приятелю, что по сравнению с его серьёзными философскими сочинениями рубежа 1880–1890-х годов последующие его статьи своей легковесностью недостойны его таланта.

<19 марта 1894 г.>¹

Многоуважаемый Василий Васильевич!

Года полтора тому назад, когда у меня дети² были сильно больны, я обратился по телеграфу к Отцу Иоанну³ с горячей просьбой помолиться о здравии болящих, и дети скоро поправились.

Многие, как я знаю, делают так же, ибо О. Иоанн охотно молится и по заглазной просьбе, безо всяких приношений и проч.

Ввиду этого, а также на основании глубокого моего убеждения, без сомнения и Вами разделяемого, что помощь небесная никогда не может оказаться лишнею⁴, я позволю себе сообщить Вам адрес О. Иоанна:

Кронштадт. Отцу Иоанну Сергиеву.

Телеграмма будет стоить коп<еек> 20–30.

Ваш

Ив. Романов

19 марта

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Год указан по местонахождению письма в подборке у Розанова.

² Речь идёт об осени 1892 года; у Рцы тогда было двое детей: дочь Надежда (1890–1941) и сын Иван (1891–1896). См.: РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18340. Л. 47, 139.

³ Упомянут протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (1829–1908), с 1855 года служивший в Андреевском соборе Кронштадта, — отец Иоанн Кронштадтский, как с благоговением называли его уже современники, не сомневаясь в том, что в будущем он будет причислен к лику святых.

⁴ Предположительно была опасно больна В. Д. Бутягина, вторая жена Розанова, у которой, по его словам, было «3 выкидыша», «3 раза ей делали — в разные годы — операцию» (*Богданова Т. А. Новые материалы к биографии В. В. Розанова: (Из переписки В. В. Розанова и Н. Н. Глубоковского)* // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. науч. тр. Л.: ГПБ, 1989. С. 46). Но не исключено, что обострилась Брайтова болезнь у старшего брата и опекуна мыслителя — Н. В. Розанова, от которой он вскоре и скончался (19 августа 1894 года).

<9 мая 1894 г.>¹

С обычной откровенностью позволю себе сказать, что статья Ваша², на мой взгляд, *испорчена*. Если испорчена, то значит, было в ней что портить? Что же именно?

Хорошо, на мой взгляд, то, что Вы без обиняков взяли, как говорят французы, быка за рога³. «Соединение церквей» — вот то главное и даже единственное, о чём стоит говорить у Соловьёва⁴. Едва ли Вы вполне верно его определили как человека *без центра*⁵. Он именно фанатик одной идейки, упрощённой и оголённой, так сказать, до последнего предела. «*В Рим!*» — вот пункт помешательства, мания Соловьёва. Всё остальное — заговор зубов.

Хороши отдельные места, частью отмеченные мною в тексте, но испортило целое — Ваша раздражённая бранчивость.

Заметьте, что я страшный любитель крепких слов, сам ужасно люблю прямо побраниться (в печати), но *Вам это так же не идёт*, как, напр<имер>, умное глубокомыслие Шарапову⁶.

Что делать! Suum cuique!⁷

Заметьте, что и в жизни Вы милы, а подчас способны быть прекрасным, только при благодушии или достойно-сосредоточенной серьёзности. Вне этих двух настроений Вы — простите — невозможны, ужасны... Поразительно это свойство Ваше сказалось в статье. Тут Вы именно изобразили из себя того мстительно-мелко-злого человека, которого хотелось бы никогда не встречать. Что Вы способны быть иным, доказательство — Ваша чудная статья против Иловайского⁸. Трудно бить сильнее и с бóльшим достоинством, и потому именно так и больна (до смерти) та статья, что вся она есть речь безукоризненного джентльмена*.

Простите эту слабую критику и не запишите её в графу «отмщения»... Да?

Ваш Ив. Ром<анов>

9-е мая

<Адресат:¹⁰> Е<го> В<ысоко>б<лагородию>

Василию Васильевичу Розанову

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Год установлен по упоминанию статьи Розанова о Вл. Соловьёве (см. прим. 2).

² Судя по содержанию письма и его местоположению в подборке, речь идёт о статье Розанова «Ответ г. Владимиру Соловьёву» (Русский вестник. 1894. Т. 231. Апр. С. 191–211), в которой он жёстко полемизировал с Вл. Соловьёвым по поводу его не менее резкой заметки о Розанове «Порфирий Головлёв о свободе и вере» (Вестник Европы. 1894. Кн. 2. С. 906–916). Тот, в свою очередь, отвечал на статью Розанова «Свобода и вера (По поводу религиозных толков нашего времени)» (Русский

* Абсолютное воплощение коего, кстати, есть Аксаков. А Вы этого не цените... Паки, кстати, прочтите в «Листопаде»: что такое джентльмен? (в отделе Кислых шей)⁹.

вестник. 1894. Т. 230. Янв. С. 265–287), в которой оспаривались положения очерка Вл. Соловьёва «Исторический сфинкс» (Вестник Европы. 1893. Кн. 6. С. 370–375).

³ Имеется в виду поговорка «Prendre le taureau par les cornes».

⁴ Об этом Розанов писал в главе II своей статьи о Соловьёве: «Он говорит: „Во имя закона любви сольёмся с Западною церковью“, и не слышит, точнее, делает вид, что не слышит, как говорят: „Во имя истины, во имя единства Церкви, во имя самой любви не могу соединиться с тем, что истину нарушило, единство разорвало, любовь презрело, и в себе, в своих недрах, заменило её ненавистью и ложью“» (Розанов В. В. Эстетическое понимание истории. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 262–263. (Собр. соч.: В 30 т.; Т. 28)).

⁵ Речь идёт о следующих словах Розанова о Соловьёве: «Нет центра в нём, неудержимо формирующего внешние черты его образа, деятельности, нет координирующего центра, который управлял бы движениями его тела; и вот почему ловкость рук его удивительна, быстрота ног внушает страх, всё движется, и, однако, так, что, сторонясь, мы спрашиваем: не паралитик ли?» (Там же. С. 270).

⁶ Сергей Фёдорович Шарапов (1855–1911) — экономист, публицист славянофильского направления, издатель. В письме к Розанову от 29–30 сентября 1891 года Рцы так характеризовал Шарапова: «...славный малый и несомненный талант, хотя легкомысленен и поверхностен как француз...» (Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову. С. 115).

⁷ Каждому своё! (лат.) Источник — формулировка принципа справедливости в «Государстве» Платона (IV; 433а).

⁸ Розанов В. Три главных принципа образования: (По поводу замечаний Д. И. Иловайского) // Русское обозрение. 1893. Т. 21. Май. С. 35–49.

⁹ «Отделом Кислых щей» в своей книге «Листопад: Неповременное издание» (М., 1891) Рцы здесь назвал отдел «Записная книжка, или Хрестоматия библиофила» (с. 73–129), поскольку в нём воспроизводился из «старого рукописного сборника» рецепт под названием «Сочинение кислых щей превосходных» (с. 118). Выше и дана пространная характеристика «истинного джентльмена» — «по словам» кардинала Джона Генри Ньюмена (Newman; 1801–1890), крупнейшего религиозного деятеля викторианской Англии, — и, в частности, говорится: «Опыт научил его относиться к врагу так, как если бы этому врагу суждено было когда-нибудь стать его другом. Воззрения истинного джентльмена могут быть иной раз и неправильными, но он никогда не бывает несправедливым» (с. 96–97).

¹⁰ Адресат указан на чистом обороте записки — отсюда видно, что она была отправлена не по почте, а с нарочным, которому устно сообщили и сам адрес.

6

<15 октября 1896 г.>¹

Вступление и конец суть художественные перлы, одинаково прекрасные и по содержанию, и по форме². Le tout (всё) — весьма чистенькая работа, хотя, к сожалению, и под орех³, т. е. значительно слабейшая против статьи о расколе в «Новом времени»⁴.

Причина сего, как мне кажется, в том, что Вы, поняв многое в духоборч<естве> и, в частности, в скопчестве, всё-таки до *пуна земли* не дошли.

Явление духоборчества есть филет⁵ универсального *всечеловеческого* значения, отнюдь не произведение исключит<ельно> русской почвы.

Срать — постыдно, унизительно, но не срать невозможно, ибо сей акт теснейшим образом связан с актом питания, а не емши — помрёшь.

Совокупляться — *постыдно, унизительно*, ну прямо физически нечисто-плотно, ибо требует после сего подмывки. (Помню, сцену из охотничьей жизни юности: старик Клим, мой охотничий Телемак⁶, и Федот, наш сподручный. Я ли, Клим ли застреливаем утку. Собаки не было. Клим «командирует» Федота (здоровенного малого и отличного пловца) за уткой в воду. Федот ёжится: вода холодная. Клим шуточно ворчит: «Ну, что там! Поле-зай, полезай! По крайности женины грешки отмоешь». И Федот, убеждённый сими доводами, быстро лезет в воду. Очевидно, чувство грязи (как сра-нё) живо чувствуют и там, где не имеют понятия о том, что «*Le sentiment est agréable, mais le mouvement est ridicule!*»⁷.)

Итак, совокупляться = постыдно, мерзко, грязно, унизительно*. Но (внимание!) не срать нельзя (помрёшь!), а совокупляться — можно да и можно нет. *Одинаково* постыдно и срать, и совокупляться, но одно неизбежно, а другое можно и так, и этак. Отсюда разность *отношений* к вопросу, по существу *тождественному*. Совокупляться или не совокупляться? Пойти ли мне на эту низость или воздержаться? В этом вопросе вся сила недоразумения. В случае отрицательного ответа предполагается: я не унижусь, не загрязнюсь, сохраню человеческое достоинство, но тут самообман: не буду совокупляться и всё-таки останусь так же немощен, унижен, загрязняем и воняц. В питании и совокуплении нам дана *естественная узда смирения*. Никогда не буду «яко бог»⁹, ибо... Но некоторые не понимают, что во всяком случае указанное унижение, осквернение, озверение совершится в акте питания и что дать окончательное торжество этой *гордыне духа* абсолютно невозможно. Отсюда-то и происходит род недоразумений относительно одного совокупления, допускающего *двойственность* решения (и так, и этак).

Вот *градацши*.

Наташа («Война и мир») визжит, барышней ещё *визжит*: мужа! мужа! *сейчас* мужа!¹⁰ Ведите же жеребца!

* И *сладко* само собою, как еда: замечательно, что обе эти категории *единой* по существу страсти заменяют друг друга. Обжоры редко когда сластолюбивы, а сластолюбцы весьма презрительно относятся к «трюфельку». Отсюда требование⁸ воздержания *поститься* под обоими видами, ибо дураки только думают, что постная пища как таковая умеряет половое разжжение. Скорее наоборот, но оба сии вида суть сладость. Один более падок к одному, другой — к другому

Я не могу не любить Наташи в её прямодушной честности: ну, да, как бы говорит она, ergo¹¹, слаба, немощна, воняю.

Какая-нибудь Ея Высочество, принцесса... Она так воздушна, эфирна, ангелоподобна, умна, учёна, глубокомысленна et cet. et cet.¹² — и вдруг неожиданное заголение и самым мещанским образом начинает поддавать, нет, извините, она так ангелоподобна, эфирна, учёна и проч., что считает неприличным поддавать и воздерживается от сего, несмотря на страстное желание. Над этим *непоследовательным* видом духовной гордыни я хохочу во всё горло: Ах, дурище! Да ведь заголилась! Да ведь ноги растопырила! Что же ты дурака ломаешь и хочешь и здесь, на постели, корчить эфирного ангела! Посмотри на честную, *смиренную* Наташу: она приняла в *простоте* факт своего унижения (ведь и Пахомий не был свободен от сицевых¹³, человек бо бе¹⁴), и посмотри: всё, что дальше исходит от этого унижения, является у Наташи *восхождением*, действительным приближением к ангелоподобию — детей носить, рожать, кормить, воспитывать. Твоё же ангелоподобие только в гостинной, а здесь один позор, из коего притом никакого не будет восхождения, ибо ни кормить, ни нянчиться с детьми, ни быть рабою мужа (как Наташа) ты не станешь по своему кружевному ангелоподобию... Дура ты, дура, *непоследовательная!*

Наконец третий вид *последовательной* гордыни — *Эдита Раден*¹⁵. Чудесен Самарин, но, чтобы унизиться до того, так низко пасть, чтобы допустить Самарина снять штаны, и чтобы он вложил свой х... в меня! *Никогда!* Тогда лучше умереть! *И она умирает!* Вот это я понимаю! Это последовательно! Это не кружевное Ея Высочество! Это действительно *гордость*, но, но... Я *ненавижу* тебя! Ты *не наша*, не *наш брат*, ты *не человек*, ибо и Св. Пахомий не был свободен от сицевых, так какого ты чёрта пришла сюда, на эту воняющую землю, к нам, Самим Творцом, ради смирения нашего, униженным? И, наконец, врешь, ё... м...! Всё-таки воняешь, всё-таки не можешь не дристать, хотя, правда, и не на глазах у Самарина!

Последний вид гордыни после Эдиты Раден — наложить на себя руку, это — хитрей Селиванова¹⁶. В категории питания это выразилось бы так: не стану вонять, даже и запершись от Самарина в сортир, не стану вовсе есть, *помру!*

И тут точно так же: сделаю так, что *он* даже и не встанет¹⁷.

В первом случае — убийство себя лично. Во втором случае — убийство себя в роде. И то, и другое = *гордыня духа, доведённая* в борьбе с приниженностью плоти *до самоубийства*.

Вот чего Вы *не поняли* и чего, вероятно, не поймёте и сейчас. Ввиду этого с малою надеждою быть услышанным скажу:

Решительно протестую и ставлю двадцать свирепых «deleatur»¹⁸ на 9 стр<оках> примеч<ания> красн<ыми> чернил<ами> от слов: «за исключением того, что он был еретик и невежда...»¹⁹

Лютая, нестерпимая ложь! *Гордыня*^{*20} в степени, превосходящей ненавистную Эдиту Раден; гордыня, возведённая в культ самоубийства, не может быть основою праведности. Аминь.

Засим, за исключен<ием> двух-трёх корректурн<ых> погрешностей, не имею ничего возразить, а относительно собственно вопроса Вашего о нужности 12–13 стр<аниц>, признаю, я даже недоумеваю. Да как же иначе? Из того, что стена сложена не на портландском цементе²⁵, можно ли заключать о необходимости разобрать всю стену? Конечно, портланд лучше, конечно, желательно было бы покрепче связать *опьянённого* Селиванова²⁶ с *трезвым* Сперанск<им>²⁷, но à la guèrre, comme à la guèrre!²⁸ Для капитальной перестройки времени нет, а при общем характере работы «под орех» даже недурно выходит.

Вот всё, что я имел сказать ad hoc²⁹. В чём подписываюсь и клянусь³⁰.

Ив. Роман<ов>

15 октября 96 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авторская датировка письма на первый взгляд вызывает сомнение, поскольку в нём обсуждается статья Розанова, увидевшая свет в ноябре (см. прим. 2). Однако, судя по всему, Розанов показал Рцы корректурные листы, а не уже опубликованную статью. Об этом свидетельствует и упоминание в письме «о нужности 12–13 стр<аниц>» (Розанов советовался с Рцы, не лучше ли их изъять), и ответ последнего, что «для капитальной перестройки времени нет», т. е. журнальную книжку уже надо отправлять в типографию, чтоб она вышла к сроку.

² *Розанов В.* Несколько замечаний о духоборческом течении русского раскола // Русское обозрение. 1896. Т. 42. Нояб. С. 387–415. Позже эта статья стала частью большого очерка под заглавием «Психология русского раскола» и была включена в книгу Розанова «Религия и культура» (СПб.: Изд. П. П. Перцова, 1899; 2-е изд.: 1902).

* Да ведь и Эдита *по-своему* хороша и даже величественна. И «умный дух пустыни»²¹ хорош. Мало ли что! Да нужно уметь различать духов²². Кстати. Как Спаситель успокоил учеников по Воскресении, когда они думали, что это *дух*. «Нет ли чего съедного?»²³ И как тотчас, верно, затрепетали сердца у учеников: «*Наш*, наш! Милый! Тот Самый, Которого мы знали, Тот Самый, Который „принял зрак раба“»²⁴. Да первое всего *в е д ь* — зрак раба, но тот же смиренный «зрак раба» и в акте деторождения... Паки и паки боюсь, что ничего не поймёте.

Ещё один намёк.

Эдита Раден говорит: «Какая гадость! Чтобы Я, Я, Я, Эдита Раден, унизилась до этого...»

Святая говорит: «Ах, как хочется, до чего хочется, но нет, нет, воздержись от сладости, ради венца небесного».

Наташа принимает факт *просто*: «Ну, иди же, милый, иди же!.....»

Селиванов режет. И нет ни Эдиты, ни святой, ни Наташи. Одна могила. Одно ничто. Нирвана. —

³ Идиома «разделать под орех», возникшая в среде столяров, изготавливавших мебель под ореховое дерево из других сортов древесины (обычно из берёзы), обычно означает трудоёмкое дело, требующее мастерства. Рцы придаёт этому выражению негативный смысл: декоративное украшательство «под орех» искажает исконную простоту, затемняет истину.

⁴ Розанов В. Психология нашего отношения к расколу // Новое время. 1896. 4 июня (№ 7279). С. 2.

⁵ *Филет* — транслитерированное французское слово *filet*, зд.: лучшая часть, цвет, сливки — от *филе*, высшего сорта мяса из хребтовой части тушки.

⁶ *Телемак* — сын Одиссея в поэме Гомера и герой популярнейшего дидактического романа французского писателя Франсуа Фенелона (Fénelon; 1651–1715) «Приключения Телемака» (1699). Скорее всего, упомянув Телемака, Рцы оговорился, поскольку, конечно, не его самого имел в виду, а его наставника Ментора из того же романа Фенелона.

⁷ «Ощущение приятное, но движение это смешно!» (*фр.*). У Розанова эта фраза звучит в мемуарном очерке «Среди людей „чисто русского направления“» (Русское слово. 1906. 24 нояб. (№ 286)), посвящённом главным образом Рцы. Тот пригласил Розанова на службу в церковь, а по дороге рассказал о молодом экстравагантном англичанине, потерявшем невинность в парижской гостинице и поделившемся своими впечатлениями с кельнером. Розанов заключал: «Думаю, что это анекдот, но через воротничок шубы он сказал его так просто, правдиво и к какой-то „статии“, что я принял за факт» (Розанов В. В. Русская государственность и общество: Статьи 1906–1907 гг. М.: Республика, 2003. С. 200. (Собр. соч.: В 30 т.; Т. 15)).

⁸ Далее в автографе стоит словосочетание в скобках «на оборот<е>», которое отсылает к продолжению текста «на обороте» данного листа рукописи (л. 166 об. единицы хранения).

⁹ Отсылка к обещанию дьявола прародителям: «будете яко бози» (Быт 3: 5).

¹⁰ Подразумеваются переживания Наташи Ростовской по поводу возможного замужества и в связи с её ожиданием предложения Андрея Болконского, а также страдания из-за годичной разлуки с ним после помолвки (т. II, ч. III, гл. XIII, XXIII–XXIV романа «Война и мир»).

¹¹ следовательно (*лат.*)

¹² И т. д. и т. д. (*лат.*)

¹³ Согласно Житию египетского монаха Пахомия Великого (ок. 292 –ок. 346), знаменитого своим целомудрием, бесы искушали его, являясь в виде нагих женщин. Преодолевая влечение к противоположному полу, он избегал какого-либо общения с его представительницами, включая и родную сестру инокиню Марию.

¹⁴ Ибо был (*црксл.*)

¹⁵ Баронесса Эдита Фёдоровна Раден (1820–1885) — гофмейстерина великой княгини Елены Павловны, благотворительница, общественная деятельница. Многие годы дружила со славянофилом Юрием Фёдоровичем Самариным (1819–1876). Рцы основывает свои дальнейшие суждения главным образом на материале книги: Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. Раден, 1861–1876. М.: Изд. Д. Ф. Са-

марина, 1893. См. рецензию на эту книгу с переводом больших фрагментов переписки: *Духовецкий Ф.* Родные по духу // Московские ведомости. 1893. 24 марта (№ 82). С. 3–5.

¹⁶ Кондратий Селиванов (?–1832), которому в основном и посвящена статья Розанова «Несколько замечаний о духовных течениях русского раскола», — основатель скопчества. Как известно, членовредительство сектантов имело мистический, ритуальный характер, способствуя, по их учению, достижению «свободы духа от телесных уз» (*Розанов В. В.* Религия и культура: Статьи и очерки 1902–1903 гг. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 39. (Собр. соч.: В 30 т.; Т. 26)).

¹⁷ Подразумевается обряд кастрации у скопцов.

¹⁸ Корректорный знак «*deleatur*» («подлежит вычеркиванию», *фр.*) используется, когда надо что-то удалить из текста.

¹⁹ Приведем строки, возмущившие Рцы, — ими заканчивается одно из примечаний Розанова к его статье: «...за исключением того, что он был еретик и невежда, он был, безусловно, праведный, т. е., *если бы не заблудился*, — святой человек. И то, что безграмотный мужицкий мальчонок, с изумительным и *истинным* идеалом в душе, не был взят своевременно в семинарию и потом в академию, — это несчастье породило самую чудовищную на земле секту и лишило Православие не только великого подвижника святости, но, может быть, и могущественнейшего из словесных учителей. Ибо его „Послание“, за исключением одного пункта помешательства его чудовищного „изобретения“, есть в точности послание святого человека, его религиозный феномен» (Русское обозрение. 1896. Т. 42. Нояб. С. 402).

²⁰ Рядом с отсылочным значком отмечено в скобках: «См. в конце» — т. е. примечание помещено в конце письма (на с. 167а архивной единицы).

²¹ Неточное выражение об искусителе Христа из поэмы Ивана Карамазова «Великий инквизитор» (но именно в этом виде его приводит в своих статьях Розанов). У Достоевского: «умный дух в пустыне» (ч. II, кн. IV, гл. V романа «Братья Карамазовы»).

²² Новозаветное выражение (1 Кор 10: 12).

²³ Вольная цитата из Евангелия (Ин 21: 5). Надо: «еда, что снедно имате» («есть ли у вас какая пища»).

²⁴ Новозаветное выражение (Фил 2: 7). *Зрак* — образ (*црксл.*).

²⁵ *Портландский цемент* (от названия английского острова Портланд), получаемый посредством сильного обжигания глинистых известняков или смеси глины с известью, обладает высоким качеством и потому даже служит для оштукатуривания помещений, подвергающихся сырости.

²⁶ Описывая хлыстов и скопцов, Розанов писал о «религиозно-вакхическом экстазе», «психическом опьянении», «духовном пиве» (*Розанов В. В.* Религия и культура. С. 37, 52).

²⁷ Рцы отсылает к суждениям Розанова о выдающемся государственном деятеле графе Михаиле Михайловиче Сперанском (1772–1839) как о «довершителе» Петровской реформы, создателе системы канцелярского делопроизводства, «погашающего всякий порыв и творчество» (Там же. С. 52, 53).

²⁸ На войне как на войне! (фр.)

²⁹ Для данного случая (фр.)

³⁰ Рцы шутиливо использует юридическую формулу, завершающую присягу.

7

<Ноябрь или декабрь (?) 1896 г.>¹

С благодарностью возвращаю «Р<усское> обозр<ение>»². Как хороша статья Рачинского о Псалт<ыри>³. Вот действительно *азбука* молитвы и *моление* (искусство молиться).

Присылаю также Вашу печать, давно когда-то, очень давно занесённую от Вас детьми.

Узнал, что некто Одарченко⁴ — Ваш великий поклонник, но находит у Вас нечто болезненно-исступлённое. —

Вот, значит, о Вас говорят, интересуются, пожалуй, ругают, но во всяком случае *творят* Вам *известность* без малейших к тому с Вашей стороны усилий, а К. Н. Леонтьев?! До чего же он, право, и смешон, а под конец и ничтожен с своею болезненно-уязвлённою искательностью известности! И клянётся (три письма Губастову⁵), что не хочет мерсикать *ножкой*, а так мерсикает, что в лучшем виде!⁶

Да! На самом избранном духе⁷ найдёшь следы Адамовой глины, из неё же взят, и туда возвратится!⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо датируется приблизительно — в частности, по упоминанию статьи С. А. Рачинского и писем К. А. Губастова (прим. 3 и 5). Письмо написано на визитной карточке со словами: «Иван Фёдорович / Романов / Гатчина Люцевская 67». Согласно рапорту Рцы, поданному им по начальству, он с семьёй перебрался из Петербурга в Гатчину не позднее 26 ноября 1896 года (РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18340. Л. 55).

² Как становится ясно из содержания письма, речь идёт о ноябрьской книжке за 1896 год. Розанов, по всей видимости, дал для прочтения Рцы окончательный вариант своей статьи, опубликованной там, — «Несколько замечаний о духоборческом течении русского раскола» (см. прим. 2 к письму 6).

³ *Рачинский С. А.* Чтение Псалтыри в начальной школе // Русское обозрение. 1896. Т. 42. Нояб. С. 109–117. Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — выдающийся педагог, один из организаторов церковно-приходского образования; в 1857–1867 годах профессор Московского университета, ботаник и математик.

⁴ Возможно, имеется в виду Константин Филиппович Одарченко (?–1905) — адвокат и экономист, автор издававшейся С. Ф. Шараповым петербургской газеты

«Русский труд», где регулярно публиковались Розанов и Рцы; присяжный поверенный округа Московской судебной палаты.

⁵ Константин Аркадьевич Губастов (1845–1919) — дипломат (1866–1908), историк. Друг К. Н. Леонтьева на протяжении многих лет; опубликованы письма мыслителя к нему за 1867–1891 годы. См. также: *Губастов К. А.* Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева, 1891 г.: Лит. сб. СПб., 1911. С. 187–234. Здесь Рцы имеет в виду подборку (в которой, правда, не три, а четыре письма): Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей: К. Н. Леонтьев — К. А. Губастову (1885 год) // Русское обозрение. 1896. Т. 42. Нояб. С. 437–454.

⁶ Подразумевается следующий фрагмент письма Леонтьева к Губастову от 9 августа 1885 года, где идёт речь о предложении последнего послать 1-й том книги Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (М., 1885) французскому дипломату и историку литературы Мельхиору де Вогию (Vogüé, 1848–1910): «Умоляю вас, не пишите ничего от меня г-ну Вогию. <...> Одно дело — когда вы *от себя* рекомендуете; другое — самому автору перед ними „мерсикать ножкой“ (вы слышали это *новое* выражение русского прогресса?)... Я очень желаю, чтобы издание разошлось; внимание иностранцев мне было бы очень выгодно для *успеха дела*, — всё это так, но *мерсиканьем* даже и перед Вогию (которого я отчасти ценю) — я купить этого успеха положительно не желаю» (Русское обозрение. 1896. Т. 42. Нояб. С. 448). И далее Леонтьев трижды употребляет это выражение (Там же. С. 449–451). Однако и действительно, все его письма, составившие подборку, исполнены надежд на влиятельных покровителей, и в частности на возможных рецензентов; при этом подробно обсуждается, как бы снискать их благорасположение.

⁷ Развёрнутое своё отношение к Леонтьеву Рцы выразил в письме к Розанову от 29–30 сентября 1891 года: «„Истина удобопревратна“ — о да, о да! В особенности, если искать её под руководством таких дядек, как К. Н. Леонтьев. Я не всё его читал, но дерзну высказать самоуверенное утверждение, что понимать его я понимаю досконально. *Огромный ум, но болезненно-извращённый*. На одной его брошюре, присланной мне приятелем, я сделал приблизительно такую надпись: он обладает *почти* всею истиною, но это маленькое ничтожное „почти“ отравляет всё, что у него есть истинного. Вы обедаете. Вам подают великолепный суп — чудо гастрономического искусства, но ваш сосед по рассеянности чуточку сплюнул в вашу тарелку... Впрочем, самую малость... Станете вы кушать суп?

К. Н. Леонтьев есть именно тип не свободной, но лукавой Веры. Он опаснее самых злобных атеистов, точно так же как папизм бесконечно хуже безбожия Штраусов, Ренанов et cet.» (Письма И. Ф. Романова (Рцы) к В. В. Розанову. С. 115).

⁸ Библейские реминисценции. Ср.: «И создал Господь Бог человека из праха земного...» (Быт 2: 7), «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3: 19), «Всё идёт в одно место: всё произошло из праха и всё возвратится в прах» (Еккл 3: 20).